

ЛИТЕРАТУРА

1. Киселев А.Г. Фирма на рынках Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Ханты-Мансийск, 2008.
2. Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в конце XIX – начале XX века. Омск, 2009.
3. Сунгуров А. Нововведения и среда: на пути к политическим инновациям. СПб., 2010.
4. Rogers E.M. Diffusion of innovations (4 th. ed.). N.Y.: The Free Press, 1995.
5. Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007.
6. Киселев А.Г. О чертах «пионерства» сибирского предпринимательства рубежа XIX – XX веков // Актуальные вопросы историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья : Материалы V науч.-практ. конф., посв. памяти А.В. Ваганова. Тара, 2010. Т. 2. С. 31–34.
7. Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири 1900–1928. Новосибирск, 1996.
8. Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России. СПб., 1913.
9. Зефирова Н. Крупные частновладельческие и арендаторские хозяйства в Акмолинской области. Омск, 1914.
10. Журналы заседаний съезда деятелей сельского хозяйства 1–12 августа 1911 года в г. Омске. Омск, 1912.
11. Карзин И.М. Изучение почвы и климата заселяемых районов Западной Сибири как одна из главных задач местной агрономии // Сельскохозяйственный сборник. Омск, 1913. С. 43–49.
12. Карзин И.М. Несколько слов по поводу неурожаев в Западной Сибири // Нужды западносибирского сельского хозяйства. Омск, 1913. № 2. С. 8;
13. Мороз А.А. Забытые страницы былого: историко-документальный очерк. Омск, 2010.
14. Дудников В.Т. Тракторное дело в Сибири. Омск, 1925.
15. Бобров И.М. Тракторы и применение их в некоторых хозяйствах Омского района // Сельскохозяйственный сборник. Омск, 1913. С. 75–76.
16. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 1967.

*Статья поступила
в редакцию 24.06.2014*

УДК 94(5)+393

В.А. ИЛЬИНЫХ

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА: ДИСКУРС 1920-х гг.*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск,
e-mail: agro_iwa@mail.ru

В статье осуществляется анализ развернувшейся в Сибири в 1920-е гг. дискуссии о социальной мобильности крестьянства. Проблема имела острый политический характер. Ответ на вопрос о характере социальных сдвигов в деревне был связан с оценкой эффективности аграрной политики правящей партии. Сибирский дискурс по данной проблеме развивался в контексте общесоюзной полемики. Исходя из имеющейся источниковой базы, большинство аналитиков за основу определения социальной структуры крестьянства брали посевные группы, а с 1927 г. – группы хозяйств по стоимости основных средств производства. Социальная интерпретация групп зависела от политических и научно-теоретических позиций интерпретаторов.

Анализируя период конца 1910-х – начала 1920-х гг., большинство экспертов зафиксировали нивелировку сибирского крестьянства на более низком имущественном уровне. Дискурс середины 1920-х гг. разворачивался на фоне обострившейся внутривнутрипартийной борьбы. Сторонники левой оппозиции заявляли о возрождении в условиях нэпа капиталистической дифференциации, которая достигла в Сибири «американских» темпов. Правые коммунисты фактически отрицали расслоение нэповской деревни. С ними были солидарны «неонародники», относившие абсолютно большую часть крестьянских дворов региона к бедняцким. Лидеры партийного большинства выдвинули концепцию осереднячивания деревни, согласно которой центральной фигурой нэповской деревни являлся середняк. Сторонники данной точки зрения считали, что ее доказательством являются материалы гнездовых переписей 1927 и 1928 гг., обработанные по методике В.С. Немчинова. Указанная методика была наиболее совершенной. Однако сделанные на ее основе выводы были также субъективными. В конце 1920-х гг. дискуссии по вопросу социальной мобильности деревни были свернуты. Единственно правильной признавалась официальная точка зрения.

Ключевые слова: социальная мобильность, крестьянство, сельскохозяйственные переписи, нэп, дискуссия о классовом расслоении деревни, осереднячивание, Сибирь.

Аграрные преобразования 1917–1921 гг., новая экономическая политика оказали существенное влияние на социальную мобильность сибирского кре-

стьянства. Определение базовых тенденций социальных сдвигов в деревне было одним из приоритетных направлений проводимого в регионе в 1920-е гг. ста-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-01725).

тистического мониторинга. Основным его методом являлись ежегодные выборочные сельскохозяйственные и гнездовые динамические переписи. Результаты выборки распространялись на всю генеральную совокупность. Параллельно со сбором информации осуществлялся ее анализ, в ходе которого решались две взаимосвязанные задачи – выявление направленности социальной мобильности и установление удельного веса основных групп крестьянства. Исходя из имеющейся источниковой базы, большинство аналитиков за основу определения социальной структуры деревни брали посевные группы, а с 1927 г. – группы хозяйств по стоимости основных средств производства. При этом социальная интерпретация групп зависела от политических, идеологических и научно-теоретических позиций интерпретаторов. Одной из центральных тем дискуссии являлся вопрос об определении количественных параметров кулачества (сельской буржуазии). Ответ на этот вопрос был напрямую связан с оценкой эффективности аграрной политики правящей партии.

Сибирский дискурс по проблемам социальной мобильности развивался в контексте общесоюзной полемики и был, как правило, вторичен. Для сибирских экспертов, рассматривавших социальные сдвиги в регионе в начале 1920-х гг., принципиальное значение имели суждения ведущего специалиста ЦСУ РСФСР А.И. Хрящевой и их политическая интерпретация В.И. Ленина. А.И. Хрящева сделала выводы о нивелировке крестьянства в центральных губерниях европейской части РСФСР в 1917–1920 гг.: уменьшении числа «безхозяйных» дворов и еще более сильном сокращении «крупнопосевщиков» [1, с. 133]. В.И. Ленин на X съезде РКП(б) заявил, что «деревня нивелировалась, выровнялась, т.е. резкое выделение в сторону кулака и в сторону беспосевщика сгладились. Все стало ровнее, крестьянство стало в общем в положение середняка». При этом кулак в Сибири «подрезан» меньше, чем в России [2, с. 59–60].

Одной из первых публикаций по проблеме социальной структуры советской сибирской деревни стала статья известного российского статистика М.П. Красильникова, который анализировал результаты переписи 1920 г. по Алтайской и Енисейской губерниям. Опираясь на используемые до революции методики, он разделил крестьянские дворы на шесть групп: 1) беспосевные; 2) с посевом до 1 дес.; 3) от 1 до 3; 4) от 3 до 9; 5) от 9 до 18; 6) свыше 18 дес. По его мнению, «так называемые кулацкие элементы сосредотачиваются отчасти в 5-й и целиком в 6-й группах» и составляют не более 5 % от общего числа хозяйств [3, с. 119, 123].

Д. Мерхалев предложил иную группировку крестьянских хозяйств: 1) беспосевные; 2) с посевом до 3 дес.; 3) от 3 до 6; 4) от 6 до 9; 5) от 9 до 15; 6) свыше 15 дес. Рассматривая социальные сдвиги между переписями в 1920 и 1921 гг., он сделал вывод о том, что процесс увеличения средних социальных групп за счет крайних в Сибири «протекал гораздо острее, чем в России». В сибирской деревне «произошло сокращение крайних групп, очень слабое – низшей посевной

группы – беспосевной и очень резкое – крайних многопосевных групп. Сильно уплотнилась группа сеющих до 3 дес.» [4, с. 70]¹.

Зафиксированная экспертами нивелировка российского и в большей степени сибирского крестьянства на более низком имущественном уровне (фактически обеднячивание) являлась следствием военной разрухи и глубокого сельскохозяйственного кризиса начала 1920-х гг., вызванного сверхнормативным обложением деревни в рамках продразверстки и первого продналога, а также неблагоприятными погодными условиями².

В 1922 г. в европейской части СССР, а в 1923 г. в Сибири началось восстановление сельского хозяйства на базе нэпа, которое сопровождалось наращиванием состоятельности крестьянства. Обратившись к ситуации в деревне, XII съезд ВКП(б) пришел к выводу, что создаваемые нэпом социально-экономические отношения, «затрудняя развитие значительной части маломощных крестьян и вызывая обеднение другой их части, приводят к тому, что начинают подниматься преимущественно средние и зажиточные хозяйства. Начинает оформляться кулачество в лице хозяйств, увеличивающих свою мощь путем сдачи в кредит сельскохозяйственного инвентаря, семян и скота на тяжелых ростовщических условиях, взятия земли в аренду или путем торговли, путем производства и продажи самогона и т.п.». При этом удельный вес кулачества «все более и более растет» [5, с. 116].

Данную позицию не разделяли представители организационно-производственной школы российской аграрной науки («неонародники»), которые отрицали факт сколь-нибудь значимой капиталистической дифференциации крестьянства в условиях нэпа. Их точку зрения в Сибири поддерживал известный статистик И.В. Яровой. В 1924 г. была издана его работа об экономическом расслоении деревни, в которой указывалось, что рекомендованное ЦСУ деление сибирского крестьянства на три основные социально-посевные группы: бедноту (хозяйства без посева и с посевом до 4 дес.), середняков (от 4 до 10) и зажиточных (свыше 10 дес.) не отражает региональных особенностей. И.В. Яровой предлагал более дробную дифференциацию крестьянских хозяйств: 1) без посева и с посевом до 4 дес. («беспосевные и мелкопосевные»); 2) от 4 до 6 («маломощные»); 3) от 6 до 10 («середняки»); 4) от 10 до 16 («зажиточные»); 5) свыше 16 дес. («богатые»). Первые две группы он относил к бедноте, а кулаками считал лишь тех «зажиточных» крестьян, которые нанимали срочных работников. В разряд кулачества в 1924 г. им было отнесено лишь около 1 % крестьянских хозяйств региона. Абсолютно же преобладающей

¹ Удельный вес групп дворов без посева, с посевом от 6 до 9 дес., от 9 до 15 и свыше 15 дес. сократился соответственно с 4,7 до 3,4 %, с 23,6 до 7,2, с 18,3 до 1,9 и с 6,8 до 0,1 %, с посевом до 3 дес. – увеличился с 17,5 до 0,1 %.

² В основных сельскохозяйственных районах Сибири два года подряд (в 1920 и 1921) засуха приводила к сильному недороду зерновых и трав.

группой деревни являлась беднота (71,7 % дворов). Анализируя социальную мобильность крестьянства в 1922–1924 гг., И.В. Яровой сделал вывод об увеличении удельного веса среднего крестьянства за счет «маломощного» и фактическом «замораживании» двух высших групп³. На основании этого он пришел к выводу о том, что «нэп не способствует возрождению зажиточного и богатого крестьянства», а «дифференциация в сибирской деревне совершается в весьма слабой степени» [6, с. 4, 20, 31, 33, 35].

Председатель Сибревкома М.М. Лашевич вывод об отсутствии дифференциации деревни и кулачества в ней не разделял, полагая, что в ряде районов СССР происходит рост числа кулаков и «некоторое» увеличение бедняцко-батрацких слоев. В Сибири в 1922–1924 гг., по его мнению, отмечается «если не рост, то, во всяком случае, стабилизация кулацких хозяйств, но с несомненной тенденцией к росту» [7, с. 7]⁴.

В 1926–1927 гг. обсуждение проблемы социальной мобильности деревни разворачивалось на фоне обострившейся внутривластной борьбы. Сторонники левой оппозиции заявляли о полномасштабном возрождении в условиях нэпа капиталистической дифференциации деревни. Правые коммунисты, напротив, фактически отрицали социально-классовое расслоение нэповской деревни. Данную точку зрения продолжали отстаивать «неонародники». Лидеры партийного большинства (в том числе Н.И. Бухарин и А.И. Рыков) с такими воззрениями согласиться не могли. Признание факта капитализации деревни ставило под сомнение правильность проводимой им аграрной политики, а ее отрицание противоречило ленинскому постулату о том, что мелкотоварное производство «рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» [8, с. 6]. Выходом из создавшейся коллизии стала формулировка, принятая XV конференцией ВКП(б): «В политических и экономических условиях СССР особенностью дифференциации крестьянства является то, что наряду с ростом кулацких элементов деревни и пролетаризацией некоторой части бедняцких хозяйств происходит экономический подъем другой части бедняцких хозяйств. Средняцкая масса деревни, пополняясь экономически поднимающимися бедняцкими хозяйствами, остается по-прежнему главной силой земледелия» [9, с. 77].

С критикой данной позиции применительно к Сибири выступили деятели левой оппозиции. Л. Клейтман, причислив к малопосевным хозяйствам с посевом до 4 дес., а к крупнопосевным – свыше 8 дес., доказывал, что, несмотря на рост удельного веса среднепосевных дворов (в 1924–1926 гг. в Рубцовском округе –

³ По данным И.В. Яровой, удельный вес дворов с посевом свыше 10 дес. в 1922 г. составлял 3 %, в 1923 г. – также 3, в 1924 г. – 3,3 %.

⁴ По данным М.М. Лашевича, удельный вес дворов с посевом свыше 10 дес. в 1922 г. составлял 2,5 %, в 1923 г. – 2,6, в 1924 г. – 2,6 %. При этом доля хозяйств, засевавших более 16 дес., выросла с 0,4 % в 1923 г. до 0,5 % в 1924 г.

с 24,3 до 32,6 %), их доля в посевной площади снизилась (с 38,4 до 33,0 %). В то же время удельный вес крупнопосевных хозяйств в том же округе увеличился с 6,5 до 22,3 %, а доля в посевах – возросла с 22,3 до 50,4 %. Таким образом, расслоение в деревне «чрезвычайно усилилось». Несмотря на рост среднепосевных дворов, их удельный вес в посевах понизился. Составляющие лишь 22 % от общего числа дворов, крупнопосевные хозяйства владеют «половиной всей посевной площади» [10, с. 90]. Г. Сафаров на основании подобных выкладок заявлял об «американском темпе» капитализации сибирской деревни [11, с. 92].

С критикой левых «коппонентов» на страницах сибирских и центральных журналов выступили Е. Ковалев, С. Бергавинов и С.И. Сырцов. Е. Ковалев относил к мелкопосевной группе дворы с посевом до 4 дес., к среднепосевной – от 4 до 10, к крупнопосевной – свыше 10 дес. В 1925–1926 гг. в Юго-Западной Сибири удельный вес первой группы сократился с 68 до 55 %, второй – увеличился с 28 до 36,2 %, третьей – также увеличился с 4 до 8,8 %. В 1926 г. доля мелкопосевных хозяйств в общей посевной площади составляла 23,7 %, среднепосевных – 48,3, крупнопосевных – 28 %. Исходя из этого делался вывод о том, что процесс «рассасывания» среднего крестьянства, который является базовым маркером капиталистической дифференциации, в Сибири отсутствует. «Средняк является центральной фигурой деревни, определяющей общий подъем хозяйства в ней» [12, с. 37, 44].

К аналогичным выводам пришел С. Бергавинов, который делил крестьян на пять групп: 1) беднота (дворы бес посева и с посевом до 3 дес.); 2) «тоже беднота, но подбирается к середнякам» (от 3 до 4); 3) середняки (от 4 до 10); 4) крепкозжиточные (от 10 до 16); 5) кулаки (свыше 16 дес.). По его мнению, общим трендом социальной мобильности в деревне является «движение вверх». При этом основная масса хозяйств, посева и средств производства, в том числе сложного сельхозинвентаря, сосредоточена в середняцкой группе [13, с. 83, 84]⁵.

Более «убедительные» данные о превалировании в сибирской деревне середняков привел секретарь Сибкрайкома ВКП(б) С.И. Сырцов, который в качестве рубежа между бедняцкими и середняцкими хозяйствами избрал посев в 3 дес., а между середняцкими и зажиточными – в 10 дес. [14, с. 101].

В 1927 г. была опубликована статья, в которой процессы расслоения сибирской деревни в середине 1920-х гг. оценивались исходя из ретроспективного анализа социальной мобильности в предшествующий период. Ее автор С. Брике пришел к выводу, что в начале десятилетия в регионе произошла не реальная, а «фиктивная» нивелировка крестьянства. Зажиточные крестьяне и середняки резко сократили посев-

⁵ По данным С. Бергавинова, доля бедноты в общей площади посева в 1926 г. составляла 14,1 %; хозяйств, входящих в переходную группу от бедноты к середнякам, – 9,6; середняков – 48,3; зажиточных хозяйств – 17,6; кулаков – 10,4 %.

ную площадь, но сохранили большую часть основных средств производства, прежде всего сельхозинвентаря. С 1924 г. началось их «возвращение домой». «Подавляющее большинство хозяйств, оставшихся в улиточно-свернутом состоянии в низших группах, при наличии достаточных средств производства для “большого плавания” начали разворачивать свой посев в соответствии со своими возможностями». Таким образом, в процессе дифференциации крестьянства в середине 1920-х гг. превалировало не новое накопление капитала, а его восстановление [15, с. 14, 20, 22].

До конца 1920-х гг. социальная структура деревни устанавливалась исходя из натуральных показателей хозяйственной состоятельности крестьянских хозяйств и прежде всего посева. В 1927 г. ситуация изменилась. Проведенная в этом году гнездовая динамическая перепись была обработана по методике В.С. Немчинова, в соответствии с которой в основу определения принадлежности крестьянского хозяйства к классовой группе была положена стоимость основных средств производства в комбинации с так называемыми социальными признаками (наем-сдача рабочей силы и сельскохозяйственных машин, патент на торговлю).

Используя данную методику, сибирские аналитики В. Каврайский и И. Нусинов, 6,3 % крестьянских дворов южной части региона отнесли к кулакам, 54,8 % – к середнякам, 29,3 % – к беднякам и 9,6 % – к батракам [16, с. 34, 44]⁶. Определив долю указанных групп в средствах производства, они пришли к выводу, что центральной фигурой деревни, «бесспорно», является середняк. «Средняцкая часть южносибирской деревни, включающая в свой состав большую половину крестьянства, владеет 7/10 всех средств производства». В то же время В. Каврайский и И. Нусинов отметили наличие в среде крестьянства экономического неравенства, которое нашло выражение в относительно высоком удельном весе кулачества и сельского пролетариата. Однако, по их мнению, это не является доказательством капиталистического расслоения. «В капиталистических условиях классовая дифференциация крестьянства происходила на фоне всеобщего обеднения деревни. Основным направлением развития деревни в советских условиях является ее экономический подъем в целом» [16, с. 95, 97].

Обратившись к материалам гнездовой переписи 1928 г., В. Каврайский и И. Нусинов нашли в ней подтверждение своим выводам. Согласно данным переписи, в южносибирской деревне удельный вес сельского пролетариата и полупролетариата снизился с 11,4 до 8,6 % и с 28,5 до 27,9 %, середняцких и мелкокапита-

листических хозяйств – вырос с 53,0 до 56,0 % и с 7,1 до 7,5 %. [17, с. 25, 39].

По мнению адептов тезиса об осереднячивании деревни, материалы гнездовых динамических переписей 1927 и 1928 гг. предоставили неопровержимые доказательства. Методика их обработки была, безусловно, более совершенной. Однако границы между группами и в этом случае оставались субъективными. В Сибири они были установлены решением созданной при Сибкрайкоме ВКП(б) «комиссии по методологии изучения классового расслоения в деревне»⁷. Естественно, полученные результаты полностью отвечали позиции правящей верхушки компартии в ее споре с оппонентами.

В конце 1920-х гг. в условиях перехода к «чрезвычайщине» дискуссии по вопросу социальной мобильности деревни были свернуты. Единственно правильной признавалась официальная точка зрения. Ее окончательная версия применительно к Сибири была сформулирована в опубликованной в «Сибирской советской энциклопедии» статье «Классовое расслоение и классовая борьба в сибирской деревне», авторами которой являются А.А. Ансон и Ф.А. Хоробрых. А.А. Ансон, описывающий классовое расслоение сибирской деревни в годы Гражданской войны, фактически согласился с мнением о фиктивной нивелировке кулачества. Он полагал, что «кулак начал приbedняться». Продолживший анализ Ф.А. Хоробрых признал нивелировку сибирской деревни в начале 1920-х гг. С 1923 г. начался подъем всех групп крестьянства, который продолжался до 1928 г. Развитие товарно-денежных отношений в условиях нэпа, по его мнению, привело к социальной дифференциации деревни. Однако политика советской власти существенно изменила ее характер. «Процесс пролетаризации бедноты происходил, но более медленным темпом. Значительная часть полупролетариата деревни переходила в середняцкую группу, которая благодаря этому не рассасывалась, как это было при капитализме, а увеличивалась. Средняк был и остался до года великого перелома центральной фигурой земледелия. Рост кулачества имел место, но политика ограничения кулака сдерживала его темпы». По приведенным Ф.А. Хоробрых данным, в 1929 г. хозяйственная мощь и удельный вес кулацких хозяйств стали снижаться. В этом году также продолжился процесс сокращения доли бедноты и роста средних слоев деревни [18, стб. 700, 701, 703, 704, 706]⁸.

Данная концепция, которая являлась региональной интерпретацией общесоюзной официальной пара-

⁷ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 31. Л. 89.

⁸ По данным официальной статистики, полученным на основе обработки гнездовых переписей, в 1928/29 г., доля крестьянских дворов в Сибирском крае, относимых к «пролетарским», по сравнению с 1926/27 г. уменьшилась с 9,8 до 8,8 %, к «полупролетарским» – осталась неизменной (20,3 %), к середняцким – увеличилась с 63,2 до 69,1 %, к «мелкокапиталистическим» – сократилась с 6,7 до 1,8 % (Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. Статистические сведения по сельскому хозяйству СССР за 1927–1930 гг. М., 1931, с. 100).

⁶ В. Каврайский и И. Нусинов в 1927 г. основывались на результатах обработки переписи лишь по части территории Сибирского края. В статистическом справочнике «Сибирский край» (Новосибирск, 1930, с. 213), в который вошли данные по региону в целом, приводятся следующие данные об удельном весе пролетарских, бедняцких, середняцких и кулацких дворов в сибирской деревне: 9,8, 20,4, 63,1 и 6,7 % соответственно.

дигмы, долгие годы фактически воспроизводилась в работах сибирских историков и была поставлена под сомнение лишь в конце 1990-х гг. (см.: [19; 20]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Хрящева А.И. Крестьянство в войне и революции: статистико-экономические очерки. М., 1921.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1967. Т. 33.
3. Красильников М.[П]. Экономические группы в сибирской деревне // Труды Сиб. стат. упр-ния. 1922. № 2.
4. М[ерхалев] Д. Из итогов выборочного обследования крестьянских хозяйств в 1921 г. // Труды. Сиб. стат. упр-ния. 1921. № 1.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 3.
6. Яровой И.В. Экономическое расслоение деревни и характеристика основных групп крестьянства Сибири. Новониколаевск, 1924.
7. Лашевич М.[М]. Ближайшие задачи партии в деревне // Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1925. № 1.
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1967. Т. 41.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 4.
10. Клейтман Л. Капиталистические тенденции в сибирской деревне // На ленинском пути. 1927. № 4–5.
11. Сафаров Г.[И]. Наступление капитала в сибирской деревне (кричащие факты) // Большевик. 1927. № 13.
12. Ковалев Е.[И]. О расслоении в сибирской деревне по материалам динамической переписи 1926 г. // Стат. бюллетень Сибкрайстатуправления. 1927. № 9–10.
13. Бергвинов С.[А]. О темпе и характере расслоения сибирской деревни // Большевик. 1927. № 13.
14. Сырцов С.[И]. Неудачное выступление тов. Сафарова // Большевик. 1927. № 13.
15. Брике С. Экономические процессы в сибирской деревне // Жизнь Сибири. 1927. № 1.
16. Каврайский В.[А]., Нусинов И.[С]. Классовое расслоение сибирской деревни (Опыт анализа социально-экономических отношений в современной советской деревне). Новосибирск, 1927.
17. Каврайский В.[А]., Нусинов И.[С]. Классы и классовые отношения в современной советской деревне. Новосибирск, 1929.
18. Ансон А.[А]., Хоробрых Ф.[А]. Классовое расслоение и классовая борьба в сибирской деревне // Советская сибирская энциклопедия. М., 1931. Т. II.
19. Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999.
20. Ильиных В.А. Социальная мобильность сибирского крестьянства в конце XIX – первой трети XX в. // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. XVII–XX вв.: материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1999.

Статья поступила
в редакцию 10.10.2014

УДК 930+94(47)+314(571)

В.И. ШИШКИН¹, А.И. САВИН²

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В РОССИИ В ЭПОХУ ВОЙН, РЕВОЛЮЦИЙ И РАДИКАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ*

¹д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
Новосибирск
e-mail: svi007@rambler.ru
²канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
Новосибирск
e-mail: a_savin_2004@mail.ru

Статья посвящена анализу основных направлений и результатов изучения социальной мобильности российского общества первой половины XX в. в отечественной и зарубежной историографии.

Основоположником теории социальной мобильности стал П.А. Сорокин, сформулировавший базисное представление о том, что разнонаправленная социальная мобильность есть универсальное свойство всех общественных систем. До перестройки тема социальной мобильности была табуирована в СССР, несмотря на темпы и результаты социальной мобильности в России, не имевшие аналогов в мировой истории. Западные историки вплоть до середины 1970-х гг. также игнорировали тематику социальной мобильности, поскольку доминирование тоталитарной модели советского общества не оставляло места для анализа социальных перемещений.

Прорыв в изучении темы связан с деятельностью историков ревизионистской школы в США, уделивших особое внимание отдельным социальным лифтам советского общества, которые сыграли важную роль в создании опоры сталинизма. Кроме того, ими активно исследовался ряд социальных, гендерных и национальных групп, характеризовавшихся высокой мобильностью. Однако в последние годы под

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-01725).